

Russia
Odessa
Odessa

Вспомни-кама! Вспомни
кама не прибудет
вспомни-кама-спомни
тогда. Испомни-
кама(и, гора) -
не прибудет.
кама не прибудет
на Анателу!!
Вспомни, кама не
прибудет. Вспомни
кама не прибудет
кама не прибудет.

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

мама! Выр ретн Университет,
едт урнкз лев
молетой. Я
Тотом это промтат,
но урнкзам Кадам на
рискит — онк в левелю — и
??. Но мат не фореет
писатл медн об Этом —
Это все ретур, и та
знает: и думам не
об Этом, — а все вредит
— о Коккана. Мат овал
матл, что я не знам дуд:
— чого свего адреса, и не
могу получитл от медн до
длинное писемло, койго се
мн мат оброчана. Канним
мат на Балум. Я севдус
онк в Самарт.

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА. 1903–1925

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14: Письма (1903–1925) / Вступ. ст. Е. Ивановой; Сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская. Общая ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. – 688 с. : ил.

ISBN 978-5-519-62529-6 (т. 14)

ISBN 978-5-446-70026-4

Впервые собраны и печатаются письма Корнея Чуковского к разным адресатам, охватывающие более двадцати лет. Письма содержат богатейшую информацию по истории создания и публикации его книг и статей, дают новые факты для изучения его связей с литераторами своей эпохи, наконец, для понимания его личности. За строками многих писем встает образ человека с непростым и весьма неровным характером. Теперь многие загадки судьбы и психологии Чуковского становятся более доступными нашему пониманию. Собранные вместе и выстроенные хронологически письма создают биографическую канву, которая восполняет пропущенные в дневнике страницы и дополняет общий абрис биографии писателя.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
ВІС FC
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017
© К. Чуковский, наследники, 2017
© Е. Иванова, Л. Спиридонова,
Е. Чуковская, составление, 2017

ISBN 978-5-519-62529-6 (т. 14)
ISBN 978-5-4467-0026-4

В двух последних томах настоящего издания сочинений Чуковского представлено собрание его писем за 1903–1969 годы. В «литературном хозяйстве» каждого писателя эпистолярный жанр занимает особое место. Есть подлинные гении этого жанра, к каковым, без сомнения, можно отнести А.П. Чехова, а в литературе Серебряного века — Зинаиду Гиппиус, Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова. В наследии писателей их переписка несет особую смысловую нагрузку: у Бориса Пастернака она помогает понять эзотерическое по своей природе творчество, у Валерия Брюсова открывает то, чем жил этот самый «закрытый» из всех русских поэтов. Длинные, захлебывающиеся и какие-то безадресные письма Андрея Белого, использовавшего любой повод для излияний, резко контрастируют с внимательными к собеседнику и по-своему обстоятельными, но написанными почти всегда как бы в ответ письмами Блока, исповедальность которых ограничена узким кругом родных и ближайших друзей. Письма писателей по-разному соотносятся с их творчеством, но неизменным остается одно: они открывают путь к биографии, помогают увидеть ее в контексте своей литературной эпохи и уже поэтому составляют значимую часть литературного наследия. Главное — они почти всегда составляют бесценный комментарий к творчеству.

Письма критиков и историков литературы соотносятся с их творчеством (для понимания которого биография и судьба не имеют определяющего значения) иначе и потому эти письма публикуются гораздо реже. Требуется масштаб Белинского или Добролюбова, чтобы эпистолярное наследие издавалось самостоятельно, а не в составе переписок с писателями. Поэтому присутствие двух томов писем в Собрании сочинений Чуковского требует некоторых пояснений.

Главная цель настоящего Собрания сочинений заключалась в том, чтобы в полном виде представить творческое наследие писателя, начиная со стихов для детей, на которых воспитывалось и продолжает воспитываться не одно поколение. Далее следовал том статей о зарубежных писателях, в свое время открывших русскому читателю имена Оскара Уайльда, Уолта Уитмена, О'Генри; книги «От двух до пяти», «Живой как жизнь», «Высокое искусство», мемуарные очерки «Современники» и историко-литературные работы, главным образом о Некрасове и его эпохе. Каждая из этих книг составляла особую сферу интересов и творческой деятельности Чуковского, эти книги складывались годами и десятилетиями, вырастали из отдельных статей, работа над ними была сопряжена с изучением и собиранием обширных историко-литературных материалов.

В наследии Чуковского был раздел, на который мы хотели обратить особое внимание: нам важно было показать, что свою творческую жизнь он начинал как литературный критик, и потому критическим статьям были отведены целых три тома (т. 6–8), в которых впервые были собраны и републикованы дореволюционные статьи и книги статей Чуковского в том виде, как они издавались до 1917 года. Эти тома открывают не только основательно забытые страницы его литературной деятельности, они открывают как бы подводную часть айсберга, которая поддерживала и надводную, пребывавшую в советское время у всех на глазах. Оказалось, что в дореволюционных литературно-критических статьях впервые были поставлены и проблемы перевода, и проблемы языка, в них обнаружило себя то исключительное знание русской и зарубежной поэзии, которое питало и детские стихи Чуковского. Составление комментариев к этим статьям помогло оценить, насколько тесно был связан Чуковский-критик со всеми крупнейшими писателями своей эпохи. Один из ведущих критиков, он успел откликнуться на все крупнейшие литературные события, и в своей совокупности его дореволюционные статьи можно рассматривать как конспективную историю литературы начала XX века.

Собранное в рамках одного издания творческое наследие Чуковского поражает разнообразием и пестротой своего состава, но при этом кажется лишенным единого стержня, распадается на выходящие из одной точки и ничем не объединенные, внутренне самостоятельные направления. Пестрота и разнообразие областей литературы и филологии, которые в течение жизни освоил Чуковский, получают свое объяснение в его биографии.

Чуковский был литературным долгожителем — почти семьдесят лет он посвятил литературе, и уникальность его судьбы заключалась в том, что на протяжении всей своей жизни он оставался профессиональным литератором, то есть человеком, зарабатывающим пропитание себе и своей большой семье исключительно литературным трудом. Если учесть, что за это время произошло три революции, четыре войны, две из которых — мировые, то уникальность литературного пути Чуковского станет еще более очевидной, и сам собой возникает вопрос: как это ему удалось?

Ответ частично дает дневник Чуковского, который пунктирно отражает его повседневную жизнь. В настоящем издании дневник впервые напечатан полностью, в него на правах приложений включены даже конспекты философских статей, которые молодой Чуковский вел прямо на страницах дневника. Дневник фиксирует наиболее важные события его жизни, иногда — реакцию на эти события, реже — характеристики некоторых лиц, имена которых мелькали на его страницах. Дневник позволяет понять, как начиналась жизнь Чуковского в литературе, каких усилий и труда стоило ему войти на равных в петербургскую литературную среду, как протекала его дальнейшая жизнь в самой ее гуще, и каким интенсивным было общение с этой средой в предреволюционные годы

Но дневник имеет большие лакуны, были годы, от которых сохранилось очень мало записей, некоторые страницы и даже целые тетради дневника Чуковский нашел нужным по каким-то соображениям уничтожить. Вполне возможно, что это произошло в годы, когда дневниковые записи легко превращались в строки обвинительного заключения, но в итоге многое из того, что мы знаем о Чуковском по другим источникам, почти не отражено в дневнике. Например, известно, что Чуковский бывал на «башне» Вяч. Иванова, посещал Религиозно-философские собрания и выступал на его заседаниях с докладами, посещал воскресные собрания у В.В. Розанова, — но обо всем этом в дневнике нет ни слова. Известно также, что звездным часом Чуковского-критика было сотрудничество в кадетской газете «Речь», — но ни о приходе в газету, ни об отношениях с редакцией в дневнике не упоминается.

Получается, что дневник намечает лишь самые общие контуры творческой биографии Чуковского и его литературной судьбы. И потому необходимо было осваивать другие источники, способные приблизить к разгадке многих тайн и загадок биографии Чуковского, — его архив, переписку с современниками, которая

до сих пор ни разу не публиковалась сколько-нибудь полно и систематически. Архив Чуковского, кстати, может быть назван одним из крупнейших документальных собраний по литературе XX века, и стоит остановиться подробнее на его непростой истории.

До революции этот архив постоянно пополнялся за счет расширявшегося круга знакомств с крупнейшими деятелями литературы и культуры. Между Чуковским, записавшим 7 февраля 1905 года в своем дневнике: «Боже мой, скольких я литераторов знаю» и присовокупившим список из 15-ти человек, и Чуковским, к которому в конце жизни почтальон носил письма, в том числе и от писателей, мешками, была огромная дистанция, и постепенно расширение этих контактов отразилось на его архиве.

Чуковский мало заботился о сохранности черновиков своих статей, подготовительных материалов к изданию и переизданию своих книг, он в этом смысле как бы следовал завету Пастернака: «Не надо заводить архива, над рукописями трястись». Но к письмам литераторов, художников, издателей он относился очень бережно, как и вообще ко всему, связанному с людьми творческого труда. Об этом свидетельствует рукописный альманах «Чукоккала», на страницах которого он старательно собирал автографы тех из них, с кем сводила его судьба. Многие вдобавок состояли с владельцем альбома в переписке, и их письма хранились не менее бережно в его архиве.

Архив Чуковского в основном собирался в дачном пригороде Петербурга — Куоккале, где Чуковский поселился с семьей вскоре после переезда из Одессы в Петербург в 1906 году. Первое время он жил на съемных дачах, эту постоянную миграцию позволяют проследить сохранившиеся адреса на конвертах, которые мы воспроизводим при соответствующих письмах. В 1912 году Чуковский с помощью И.Е. Репина, предоставившего денежный заем, в первый и в последний раз в жизни приобрел недвижимость — дачу «Золотой рог» в Куоккале.

В этом дачном пригороде он провел лучшие и самые плодотворные годы своей жизни, в чем читатель его писем имеет возможность убедиться. Сюда съезжались друзья и знакомые, здесь началась многолетняя дружба с Репиным, в имении которого Пенаты Чуковский был постоянным гостем. Вокруг Репина и Чуковского в Куоккале кипела литературная жизнь — читались рефераты, устраивались литературные и музыкальные вечера.

Временами Репин просил Чуковского занять разговором или чтением позировавших ему деятелей культуры, на этой почве завязывались новые знакомства. Словом, Куоккала сыграла в жизни Чуковского гораздо более важную роль, чем Петербург или Одес-

са, она буквально выдвинула его в центр культурной жизни тех лет. В 1917 году Чуковскому с семьей пришлось оставить Куоккалу и перебраться в Петербург — надо было учить детей, при этом библиотека и архив оставались в Куоккале. События Октября 1917 года и отделение Финляндии, ставшей независимым государством, отрезали писателя от этой малой родины навсегда.

Чуковский с тоской писал Репину: «Куоккала — моя родина, мое детство, и неужели мы никогда не посидим с Вами в «Киоске», не почитаем стихов, и не увижу я Вашей мастерской, Ваших новых портретов, Ваших будущих картин...»¹. Одновременно он потерял тогда архив, библиотеку и дом, за который к тому же не успел выплатить долг Репину. И хотя дом этот по-прежнему находился в близком соседстве с художником, который отделился от большевиков вместе с Финляндией, оказать помощь в продаже этой недвижимости и помочь выручить за нее хоть какие-то деньги находившийся в преклонных годах Репин не мог или не хотел. Чуковский же оказался буквально в капкане: он продолжал оставаться должником за собственность, которой лишился не по своей вине, и, несмотря на нелепость и абсурдность ситуации, предпринимал героические усилия, чтобы выплатить Репину долг.

Как часто это бывало в жизни Чуковского, возникли дополнительные осложнения: вмешался «человеческий фактор» — дочь Репина Вера Ильинична. Поначалу она не сумела покинуть Россию вместе с отцом и, оставаясь в России, сильно нуждалась. Чуковский был едва ли не единственным, кто пришел тогда на выручку, помогая выжить в голодные годы раннего большевизма. Выбиваясь из последних сил, он ссужал ее деньгами в счет своего долга Репину, хотя и сам с семьей постоянно находился на грани нищеты и голодной смерти. Но, перебравшись к отцу в Финляндию, Вера Ильинична оказалась злейшим врагом Чуковского, она стала систематически настраивать Репина против него, всячески препятствуя изданию книг художника, устройству его выставок в России, то есть всему тому, о чем хлопотал тогда Чуковский.

Вера Ильинична укрепляла Репина в мысли, что деньги, которые Чуковский ему пересылал за издание книг в России, все сплошь фальшивые, хотя подлинность денег Чуковский удостоверял в финском торгпредстве. Репин не мог адекватно оценить положение Чуковского, к которому на самом деле искренне благо-

¹ Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. 1906—1929 / Подг. текста и публ. Е.Ц. Чуковской и Г.С. Чурак. Комментар. Е.Г. Левенфиш и Г.С. Чурак // М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 167. (Далее: *Репин.*)

волил, и только методично сообщал ему со слов Веры, что при- сланные червонцы опять оказались фальшивыми. Находясь по другую сторону границы, Чуковский не мог доказать обратное, не мог побороть клевету и наветы. Надо сказать, что он был мастер попадать в такие житейские водовороты, причем совершенно не по собственной вине. Это была своего рода судьба: наиболее жестокие удары ему всегда наносили люди, о которых он заботился.

Но это была еще часть драмы, которую переживал тогда Чуковский: ведь он утратил еще и архив и библиотеку. О том, что осталось от них на даче «Золотой рог», Репин методично сообщал Чуковскому в своих письмах. 22 сентября 1921 года он писал из Куоккалы: «Сейчас побывал на Вашей даче <...> В Вашей большедиванной на полу слой книг и других писаний стал еще толще; но когда ступишь на этот наст в $\frac{1}{4}$ аршина, то слышно, что внизу трещат обломки стекол... Ах, какой грустный вид...»¹

Чуковский молил в ответных письмах: «Будьте милостивы, спасите их, если можно! Нанять бы мужика, который перенес бы все в место сухое и надёжное»². У Репина были свои представления о способах сохранения бумаг. «Ваши книги в квартире так разбросаны, растрепаны, что нанятый мужик только еще более усугубил бы их уничтожение. Теперь они сохраняются сами, как все, что не нужно нам, — так Вы скорее что-нибудь выудите из этой погромной работы»³.

Несмотря на то, что, живя в Сестрорецке, Чуковский находился рядом с Куоккалой, даже мог видеть ее издалека, достать разрешение для проезда туда он никак не мог: граница бдительно охранялась с обеих сторон, и особенно с советской, поскольку через нее многие пытались бежать от власти большевиков. Поэтому Чуковский посылал доверенности распоряжаться своим имуществом разным ненадежным людям, которые исчезали, распродав его вещи, пока, наконец, профессор-славист И.С. Шайкович, до революции преподававший в Пербурге сербский язык, не организовал Общество для охраны имущества русских ученых в Финляндии и не вывез некоторые архивы и библиотеки, в их числе и все, что оставалось от архива и библиотеки Чуковского, в Гельсингфорс, где они ожидали своих хозяев.

Но Репин, неоднократно повторявший в письмах, что очень хочет повидать Чуковского, что финские власти очень вниматель-

¹ Репин. С.135.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 141. Письмо от 6 января 1922 года.